

А. С.
ПУШКИН

Избранное

Александр Сергеевич Пушкин

Езерский

**Александр Сергеевич
Пушкин
Езерский**

<I.>

Над омраченным Петроградом
Осенний ветер тучи гнал,
Дышало небо влажным хладом,
Нева шумела. Бился вал
О пристань набережной строй-
ной,
Как челобитчик беспокойный
Об дверь судейской. Дождь в окно
Стучал печально. Уж темно
Всё становилось. В это время
Иван Езерский, мой сосед,
Вошел в свой тесный кабинет...
Однако ж род его, и племя,
И чин, и службу, и года
Вам знать нехудо, господа.

<II.>

Начнем ab ovo:[1] мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей дух воинственный и зверской
Был древле ужасом морей.
Одульф, его начальник рода,
Вельми бе грозен воевода,
Гласит Софийский хронограф,
При Ольге сын его Варлаф
Приял крещение в Цареграде
С рукою греческой княжны;

От них два сына рождены:
Якуб и Дорофей. В засаде
Убит Якуб; а Дорофей
Родил двенадцать сыновей.

<III.>

Ондрей, по прозвищу Езерский,
Родил Ивана да Илью.
Он в лавре схимился Печерской.
Отсель фамилию свою
Ведут Езерские. При Калке
Один из них был схвачен в свалке,
А там раздавлен, как комар,
Задами тяжкими татар;
За то со славой, хоть с уроном,
Другой Езерский, Елизар,
Упился кровию татар
Между Непрядвою и Доном,
Ударя с тыла в кучу их
С дружиной суздальцев своих.

<IV.>

В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,
Крамомл и смуты в дни кровавы,
Блестят Езерских имена.
Они и в войске и в совете,
На воеводстве и в ответе

Служили князям и царям.
Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской:
За спор то с тем он, то с другим
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под страшный гнев,
И умер, Сицких пересев.

<V.>

Когда ж от Думы величавой
Приял Романов свой венец,
Когда под мирною державой
Русь отдохнула наконец,
А наши вороги смирились,
Тогда Езерские явились
В великой силе при дворе.
При императоре Петре.....
Но извините: статья может,
Читатель, я вам досадил:
Наш век вас [верно] просветил,
Вас спесь дворянская не гложет,
И нужды нет вам никакой
До вашей книги родовой...

<VI.>

Кто б ни был ваш родоначальник,
Мстислав Удамый, иль Ермак,

Или Митюшка целовальник,
Вам всё равно – конечно так,
Вы презираете отцами,
Их древней славою, правами
Великодушно и умно,
Вы отреклись от них давно,
Прямого просвещенья ради,
Гордясь, как общей пользы друг,
Ценою собственных заслуг,
Звездой двоюродного дяди,
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал.

<VII.>

Я сам – хоть в книжках и словес-
но
Собратья надо мной трунят —
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ.
Но каюсь: новый Ходаковский,[2]

Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.
От этой слабости безвредной,

Как ни старался, – видит бог, —
Отвыкнуть я никак не мог.

<VIII.>

Мне жаль, что сих родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух.
Мне жаль, что нет князей По-
жарских,
Что о других пропал и слух,
[Что их поносит шут Фиглярин],
Что русской ветреный боярин
Теряет грамоты царей
Как старый сбор календарей,
Что исторические звуки
Нам стали чужды – хоть с про-
ста
Из бар мы лезем в *tiers-état*, [3]

Хоть нищи будут наши внуки,
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

<IX.>

Мне жаль, что мы, руке наемной
Дозволя грабить свой доход,
С трудом ярем заботы темной
Влачим в столице круглый год,
Что не живем семьей дружной

В довольстве, в тишине досуж-
ной,
Старея близ могил родных
В своих поместьях родовых,
Где в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава;
Что геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!

<X.>

Вот почему, архивы роя,
Я разобрал в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ
И здесь потомству заповедал.
Езерский сам же твердо ведал
Что дед его, великой муж,
Имел пятнадцать тысяч душ.
Из них отцу его досталась
Осьмая часть – и та сполна
Была сперва заложена,
Потом в ломбарде продавалась...
А сам он жалованьем жил
И регистратором служил.

<XI.>

Допросом музу беспокоя,
С усмешкой скажет критик мой:
"Куда завидного героя
Избрали вы! Кто ваш герой?"
– А что? Коллежской регистра-
тор.
Какой вы строгой литератор!
Его пою – зачем же нет?
Он мой приятель и сосед.
Державин двух своих соседей
И смерть Мещерского воспел;
Певец Фелицы быть умел
Певцом их свадеб, их обедов
И похорон, сменивших пир,
Хоть этим не смущался мир.

<XII.>

Заметят мне, что есть же раз-
ность
Между Державиным и мной,
Что красота и безобразность
Разделены чертой одной,
Что к<нязь> Мещерской был сена-
тор,
А не коллежской регистратор —
Что лучше, ежели поэт
Возьмет возвышенный предмет,
Что нет, к тому же, перевода

Прямым героям; что они
Совсем не чудо в наши дни;
Иль я не этого прихода?
Иль разве меж моих друзей
Двух, трех великих нет людей?

<XIII.>

Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его.
Зачем Арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты поэт,
И для тебя условий нет.

<XIV.>

Исполнен мыслями златыми,
Непонимаемый никем,

Перед распутьями земными
Проходишь ты, уныл и нем.

С толпой не делишь ты ни гнева,
Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупец кричит: куда? куда?
Дорога здесь. Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекут
Мечты златые; тайный труд
Тебе награда; им ты дышишь,
А плод его бросаешь ты
Толпе, рабыне суеты.

<XV.>

Скажите: экой вздор, иль bravo,

Иль не скажите ничего —
Я в том стою – имел я право
Избрать соседа моего
В герои повести смиренной,
Хоть человек он не военный,
Не [второклассный] Д.<он> Жуан,
Не демон – даже не цыган,
А просто гражданин столичный,
Каких встречаем всюду тьму,
Ни по лицу, ни по уму
От нашей братьи не отличный,
[Довольно смиренный и простой,]
[А впрочем, малый деловой]

Примечания

1

с самого начала

[^^^]

2

известный любитель древностей

[^^^]

третъе сословие

[^^^]